

БОРИС КУРКИН

ЭТЮДЫ О ДУШАХ ЖИВЫХ И МЁРТВЫХ

Где находится город NN?

Вы никогда не задумывались над тем, где примерно расположен губернский город NN, в котором начинается действие “Мёртвых душ”? И можно ли определить его примерное месторасположение?

Можно!

И ключом к расшифровке стал разговор двух русских мужиков.

“Вишь ты, — сказал один другому, — вон какое колесо! Что ты думаешь, доедет то колесо, если б случилось, в Москву или не доедет?” — “Доедет”, — отвечал другой. “А в Казань-то, я думаю, не доедет?” — “В Казань не доедет”, — отвечал другой. Этим разговор и кончился.

1. Итак, город NN расположен в великорусском “регионе”.

2. Точка, в которой находится город NN, обретается ближе к Москве, нежели к Казани.

3. Соединяем прямой линией Москву и Казань и делим эту прямую пополам.

4. Затем восстанавливаем перпендикуляр из центра линии Москва — Казань. Таким образом, всё, что находится на западе от восстановленного перпендикуляра, будет ближе к Москве, а всё, что восточнее, — ближе к Казани.

Напомним, это пространство есть пространство великорусское. Уже что-то!

5. Однако у Гоголя есть и ещё одна подсказка. И даёт он её, описывая пейзаж, открывшийся глазам Чичикова на пути к имению Манилова — “Маниловке”: “Едва только ушёл назад город, как уже пошли писать, по нашему обычаю, чушь и дичь по обеим сторонам дороги: кочки, ельник, низенькие жидкие кусты молодых сосен, обгорелые стволы старых, дикий вереск и тому подобный вздор”.

Узнаёте? Это северный пейзаж, знакомый всякому, едущему из Москвы в Питер. Скорее всего, в Тверской губернии. Тем более что сам Гоголь отмечает в главе 10-й, “что **город был не в глуши, а, напротив, недалеко от обеих столиц**”. Может быть, это даже город Весьегонск с его просторной тюрьмой, который приходит на ум Чичикову, составляющему список купленных им мёртвых душ.

Когда происходит действие “Мёртвых душ”?

Может быть, ваш покорный слуга судит исключительно по себе, расписываясь в собственной невнимательности и механическом усвоении текстов, однако всегда казалось, что действие “Мёртвых душ” происходит в эпоху Нико-

лая Павловича. Да и то: первый том поэмы вышел-то в 1842 году. Однако при внимательном чтении, которого нам чаще всего так недостаёт, выясняется, что афера Чичикова может быть и должна быть датирована значительно ранее. И ответ на вопрос, когда именно, можно найти частично в 8-й и, главным образом, в 10-й главах.

Начнём издали. Вот рассуждения чиновников города NN относительно будущего новоявленных и воскресших чичиковских мужиков.

“Многие предложили свои мнения насчёт того, как искоренить буйный дух, обуревавший крестьян Чичикова. Мнения были всякого рода: были такие, которые уже чересчур отзывались военной жестокостью и строгостью, едва ли не излишнею; были, однако же, и такие, которые дышали кротостью. Почтмейстер заметил, что Чичикову предстоит священная обязанность, что он может сделаться среди своих крестьян некоторого рода отцом, по его выражению, ввести даже благодетельное просвещение, и при этом случае отозвался с большою похвалою об Ланкастеровой школе взаимного обучения”.

Насчёт “военной жестокости” — это явный намёк на военные поселения графа А. А. Аракчеева. Проект, прямо скажем, грубо оболганный, однако получивший “дурную прессу” на все последующие века. А это — александровские времена. Да и мода на Ланкастерову систему также приходится на это время.

Однако читаем далее. “Повесть о капитане Копейкине”. “Под Красным ли, или под Лейпцигом, только, можете вообразить, ему оторвало руку и ногу”. Судя по рассказу почтмейстера, с момента получения тяжёлых увечий до приезда капитана в Петербург прошло совсем немного времени, а после очередного и безуспешного визита в высокие кабинеты капитан был свежён с фельдъегерем к себе домой. Однако “не прошло, можете представить себе, двух месяцев, как появилась в рязанских лесах шайка разбойников, и атаман-то этой шайки был, судырь мой, не кто другой...”

Возникает вопрос: “А сколь долго мог партизанить в рязанских лесах капитан Копейкин?” Явно не двадцать лет! Так что опять речь идёт об александровских временах.

Но кажется, Гоголю этого мало, и он даёт нам ещё одно указание-метку: “Наполеон”. Как известно, померло корсиканское чудовище 5 мая 1821 года. И факт его смерти был официально обнародован.

Однако чиновники задумались, не есть ли Чичиков Наполеон, “снова выпущенный с острова Елены”?

Конечно, англичанка могла распускать заведомо ложные слухи о смерти Бонапарта, дабы создать информационное прикрытия для отправки его под видом Чичикова в Россию. Однако читаем далее: “...город был не в глуши, а, напротив, недалеко от обеих столиц. Впрочем, нужно помнить, что **всё это происходило вскоре после достославного изгнания французов**. В это время все наши помещики, чиновники, купцы, сидельцы и всякий грамотный и даже неграмотный народ сделали по крайней мере на целые **восемь лет** заклятыми политиками. “Московские Ведомости” и “Сын Отечества” зачитывались немилосердно и доходили к последнему чтению в кусочках, не годных ни на какое употребление. Вместо вопросов: “Почём, батюшка, продали меру овса? как воспользовались вчерашней порошей?” — говорили: “А что пишут в газетах, не выпустили ли опять Наполеона из острова?” Купцы этого сильно опасались, ибо совершенно верили предсказанию одного пророка, уже три года сидевшего в остроге; пророк пришёл неизвестно откуда в лаптях и нагольном тулупе, страшно отзывавшемся тухлой рыбой, и возвестил, что Наполеон есть антихрист и держится на каменной цепи, за шестью стенами и семью морями, но после разорвёт цепь и овладеет всем миром”.

Так что получается, что действие “Мёртвых душ” происходит именно в начале 20-х годов XIX века. Вот они, парадоксы гоголевской оптики!

Но тогда получается, что Чичиков родился в екатерининскую эпоху и является СТАРШИМ современником Онегина и Чацкого.

Кто бы мог подумать!

Хотя по-житейски всё понятно: писалось в одну эпоху, а действие сознательно переносилось в другую. Однако версия о парадоксах оптики Гоголя интереснее.

Незабвенный Михаил Семёнович (Опыт распознавания образа)

Все мы мним себя человековедами, особенно после прочтения “Мёртвых душ”. И все мы полагаем, что видим героев этой поэмы “насквозь”.

Хе-хе!..

В таком случае позвольте предложить вам один маленький психологический тест.

Вы познакомились с человеком, и он приглашает вас к себе в гости. Как вы полагаете, скажут ли вам что-нибудь о хозяине дома портреты, развешанные на стенах его апартаментов?

Полагаю, ответ будет утвердительным.

А теперь внимание: чьи портреты были развешаны в кабинете незабвенного Михаила Семёновича Собакевича помимо портрета князя П. И. Багратиона? Только не князя Багратиона из “Войны и мира”, а натурального, ходившего с Суворовым через Альпы и писавшего в великой досаде и гневе, что РУССКОМУ человеку и житья в Штабе нету – кругом засилье немецкое (это в самом-то начале Отечественной войны 12-го года!)?

Итак, послунявим палец и найдём нужное нам место в главе V.

Странно: на стенах кабинета Собакевича – сплошь герои Греческой войны за независимость 1821–1829 годов: А. Маврокордато (1791–1865), на момент встречи Собакевича и Чичикова – ещё здравствующий, равно как К. Канари (1790–1877); “Миаули отважный, известный греков командир” (как писал о нём Н. А. Некрасов), отважный спецназовец-диверсант, жегший турецкие военные суда; Бобелина (“Героиня Греции, нашего времени”, известная русскому читателю в том числе и по сочинению Ринальдо-Ринальдини).

“Все эти герои были с такими толстыми ляжками и неслыханными усами, что дрожь проходила по телу!” Случайно ли они были “тоже похожи на Собакевича?” Вряд ли! Скорее, Собакевич прикупил эти популярные в те времена в России портреты (себе под статью).

Ух ты...

Первая мысль: Собакевич и в зрелые годы оставался верен РЕВОЛЮЦИОННЫМ ИДЕАЛАМ своих молодых лет. Жил бы в те времена Че Гевара, он бы, может, и портрет Че Гевары в кабинете повесил. И тоже с толстыми ляжками. Об этом, кстати, до меня уже кто-то, как на грех, успел написать. Но я бы насчёт “революционных идеалов” выводы делать поостерёгся. Ибо хоть и называли те давние события “революцией”, а была это всё же война за НЕЗАВИСИМОСТЬ Греции. Но не в том суть. Потянем ниточку дальше: а что же это за “Греция” такая без православного креста над Царьградом?

А с чего бы это государь наследник-цесаревич был наречён Константином?

И как быть с вечной российской имперской мыслию о Босфоре и Дарданеллах?

А если потянуть логическую цепочку ещё дальше, то вот вам и готовый лозунг: “Россия от Владивостока до Православного Иерусалима!” Это вам почисте лозунга “Европа от Атлантики до Урала!” будет.

Чувствуете ВСЕЛЕНСКИЙ ЗАМАХ и ДЕРЗНОВЕНИЕ этого крепкого русского помещика?! А ведь это КРЕМЕНЬ, а не человек!

Ай да Михал Семёныч! А мы-то всё про “Елизавету Воробей” да “шкаф, говорящий “Я тоже похож на Собакевича”, да лягушку, “сахаром облепленную”, да “бараний бок с гречневой кашей” талдычим!

Так что никакой Собакевич не революционер, хотя отчасти и революционер. Но революционер-ИМПЕРЕЦ. Такой, что самому Николаю Павловичу под статью!

Все уже давным-давно про Царьград забыли, если когда и думали, а он ПОМНИТ.

И ждёт.

И верит. Иначе бы давно портреты сих славных греков со стены поснимал.

Ну, и консерватор по складу ума и характера (“Толкуют: просвещение, просвещение, а это просвещение – фук!” Ну, а о том, что персона сия умна и видит людей насквозь, уж и говорить не приходится.

Так-то вот.

Могут, конечно, припомнить мне знаменитое: "...или грабил бы ты казну!" Только я в ответ возражу: слова эти произносил про себя Чичиков, меривший людей, в том числе и Собакевича, на свой аршин. И слова его суть слова пройдохи и жулика, то есть ДЕМОКРАТА в высшем смысле и значении этого слова. Чичикова, а не Гоголя!

Вернёмся теперь к ВЕЛИКОМУ ТЕКСТУ. И что же мы в нём в итоге находим-видим?

А видим мы крепкого русского ХОЗЯИНА, сидящего на своём крепком ХОЗЯЙСТВЕ где-нибудь между Вышним Волочком и Весьегонском, человека одинокого, лелеющего в душе своей ВЕЛИКУЮ МЕЧТУ о ВЕЛИКОЙ ИМПЕРИИ.

Позвольте, Михал Семёныч, я вас расцелую! Дорогой вы мой человек!

Р. С. Кстати, по известному пророчеству, случится ещё Великая Война, в которой Русская Армия одержит много славных побед и войдёт в Царьград.

Так и видится уже угрюмый танк, на башне которого выведено аршинными буквами: "Борец за ПРАВОСЛАВНУЮ ИМПЕРИЮ Михаил Собакевич!"

ПТИЦА-ТРОЙКА

(ТРИ ЭТЮДА)

I

Две "птицы-тройки"

Кто не помнит гоголевскую "птицу-тройку" – символ Руси!

На теме этой птице-тройки "забуксовал" однажды герой В. Шукшина: "Мчится, вдохновенная Богом! – а везёт шулера. Это что же выходит? – не так ли и ты, Русь?.. Тьфу!.. Мчимся-то мчимся, ёлки зелёные, а кого мчим?"

Возникает и иная ассоциация: Вакула летит на чёрте, чёрт (по некоторым версиям) – Чичиков – на Птице-тройке.

"...Остановился поражённый Божьим чудом созерцатель: не молния ли это, сброшенная с неба? что значит это наводящее ужас движение? и что за неведомая сила заключена в сих неведомых светом конях?"

И есть ли что-либо на свете, что способно затмить и оставить на обочине "птицу-тройку"?

Есть. Другая "птица-тройка" – символ Власти.

"Вот я тебя палашом! – кричал скакавший навстречу фельдъегерь с усами в аршин. – Не видишь, леший дери твою душу: казённый экипаж! – И, как призрак, исчезнула с громом и пылью тройка".

"И, как **призрак**, **исчезнула с громом и пылью** тройка".

"**Призрак**" (синонимы: "тень", "привидение") – штука нехорошая. Помнится, призрак отца Гамлета – "неуязвим, как воздух", – был приговорён по ночам скитаться, а днём томиться в мучительном серном пламени ("пока грехи земной природы не выжгутся дотла").

"Птица-тройка", в которой скачет Чичиков, – "**молния**".

Казённая тройка, исчезающая, словно **призрак**, – "**гром с пылью**".

И несутся обе тройки в противоположные стороны.

Жутковатый образ.

II

Птица-тройка: тройственная оптика

Образ птицы-тройки у Гоголя, по существу, троичен: она и конкретна – Чубарый, Пристяжной, Заседатель, – и в то же время она Символ Руси. Она и от мира сего, и от мира вышнего, и летит, потому что откликается на зов глаза горнего.

Полёт птицы-тройки начинается более чем прозаически: Чичиков спешно покидает город, боясь быть узнанным и задержанным. "Бричка между тем поворотила в более пустынные улицы; скоро потянулись одни длинные деревян-

ные заборы, предвещавшие конец города. Вот уже и мостовая кончилась, и слагбаум, и город назад, и ничего нет, и опять в дороге. И опять по обеим сторонам столбового пути пошли вновь писать вёрсты, станционные смотрители, колодцы, обозы, серые деревни с самоварами, бабами и бойким бородатым хозяином, бегущим из постоянного двора с овсом в руке; пешеход в протёртых лаптях, плетущийся за восемьсот верст; городишки, выстроенные живьём, с деревянными лавчонками, мучными бочками, лаптями, калачами и прочей мелюзгой; рябые слагбаумы, чинимые мосты, поля неоглядные и по ту сторону, и по другую, помещичьи рыдваны; солдат верхом на лошади, везущий зелёный ящик с свинцовым горохом и подписью: такой-то артиллерийской батарее; зелёные, жёлтые и свежеразрытые чёрные полосы, мелькающие по степям; затянутая вдали песня, сосновые верхушки в тумане, пропадающий далече колокольный звон, вороны, как мухи, и горизонт без конца...

“Скучно на этом свете, господи!”

И вдруг... Внешний толчок в виде летящего навстречу царёва слуги. Случайный, но и закономерный: “Какой же русский не любит быстрой езды? Его ли душе, стремящейся закружиться, загуляться, сказать иногда: “Чёрт поberi всё!” – его ли душе не любить её? Её ли не любить, когда в ней слышится что-то восторженно-чуждое?”

“Чуждое” – значит чудесное, возникающее и проявляющееся вопреки обыденному взгляду на вещи и их привычному ходу. Но и душа должна быть готова к встрече с миром иным, чудесным, иначе останется она целиком и полностью “в мире сем” и чуда не узрит.

Но чтобы открылась иная, “прикровенная”, как сказал бы философ, реальность, нужно одно условие:

“Не бойся!”

И вот, “кажись, неведомая сила подхватила тебя на крыло к себе, и сам летишь, и всё летит... знать, у бойкого народа ты могла только родиться, в той земле, что не любит шутить”.

Да, на Руси всё всерьёз.

“...и что-то страшное заключено в сём быстром мельканье, где не успеет означиться пропадающий предмет, – только небо над головою, да лёгкие тучи, да продирающийся месяц одни кажутся недвижны”.

Всё пришло в движение, и движение это стремительно и страшно; предметы даже “не успевают означиться и тут же пропадают”; оно наводит ужас: “Только небо над головою, да лёгкие тучи, да продирающийся месяц одни кажутся недвижны”, а страна, проносющаяся мимо, “ровнем-гладнем разметнулась на полсвета”, и зовут её Русью.

“Что значит это наводящее ужас движение?”

Это не бег, если “предметы даже не успевают означиться и тут же пропадают”. Это полёт!

Летит гоголевская птица-тройка, “и грозно объемлет меня могучее пространство, страшною силою отразясь во глубине моей; неестественной властью осветились мои очи: у! какая сверкающая, чудная, незнакомая земле даль! Русь!...”

“...и онемела мысль пред твоим пространством”.

Что пророчит необъятный простор, пред которым немеет мысль?

Вот как! Эти пространства не только пугают своей необъятностью, наводят священный ужас; они ещё и пророчествуют!

Мистическое пространство.

Вот и осветились неестественной властью очи лирического героя, втянутого в него наводящим ужас движением.

Страшно? Страшно! Но “боящийся несовершенен в любви”, а “совершенная любовь изгоняет страх”.

Но то не привычный человеческий страх, а страх какой-то иной природы.

Может быть, страх Божий?

“Со страхом Божиим и верой Христу Богу предадимся”.

Но это же необозримое пространство есть в то же время чудная, незнакомая земле даль.

Даль “чудная”.

Даль, “незнакомая земле”.

Что же это за даль? Быть может, “Новый Иерусалим”?

“Что зовет и рыдает, и хватает за сердце? Какие звуки болезненно лобзуют и стремятся в душу, и выются около моего сердца? **Русь! Чего же ты хочешь от меня? какая непостижимая связь таится между нами?** Что глядишь ты так, и зачем всё, что ни есть в тебе, обратило на меня полные **ожидания** очи?..”

Несётся, летит по Руси птица-тройка. Но что это за тройка?

“Чубарый – Пристяжной – Заседатель как символ Руси”, если повторять некогда бездумно заученное?

Вслушаемся заново, вчитаемся, вчувствуемся, наконец, в зазубренный некогда текст: “...что за **неведомая сила** заключена в сих **неведомых свете** конях?”

Неведомая сила неведомых свету (миру) коней.

Ну, уж наверняка это не какая-то особая, выведенная на Руси порода лошадей! Да и “**неведомая сила**” их явно не “лошадиная”.

“...**Заслышали с вышины знакомую песню**, дружно и разом напрягли **медные груди и, почти не тронув копытами земли, превратились в одни вытянутые линии, летящие по воздуху, и мчится, вся вдохновенная Богом!**.. **Чудным** звоном заливаются колокольчик; гремит и становится ветром разорванный в куски воздух; летит мимо всё, что ни есть на земли”.

“...**Заслышали с вышины знакомую песню**”.

Уж не ангельское ли пение?

“...и, почти не тронув копытами земли, превратились в **одни вытянутые линии, летящие по воздуху, и мчится, вся вдохновенная Богом!**..”

Ба! Да кони-то эти **небесные!**

Небесная птица-тройка летит над Русью.

“**Медные груди коней**”.

“**Медный всадник**” у Пушкина... “**Медные груди**” небесных коней у Гоголя...

А в тройке – да, подлец Чичиков.

Но и его ждёт раскаянье: “Сатана проклятый обольстил, вывел из пределов разума и благоразумия человеческого. Преступил, преступил! – рыдает он в отчаянье. – Искусил, шельма, сатана, изверг человеческого рода!”

Но и Чичиков тоже вместе с лирическим героем Гоголя летит над Океаном и уже по одному тому не может оставаться прежним. Как и всякий русский, подлец Чичиков не может не испытывать в этом полёте страх и трепет, ошеломление и восторг. Поток захватывает его, и всё меньше места в душе остаётся мелкому и суетному.

И становится понятным, отчего “**Мёртвые души**” Гоголь назвал поэмой.

III

Мистика Русского Бытия

“Русь! Русь! вижу тебя, из моего чудного, прекрасного далека тебя вижу”.

Но где же то “чудное, прекрасное далеко”, из которого виделась Гоголю “бедная и неприютная” Русь?

Где оно? В какой земле?

Или то “чудное, прекрасное далеко” есть **время**, по необходимости поэтическое? Вневременной “золотой век”, в коем несть ни печали, ни вздыхания?

И видится Италия, в которой писаны “**Мёртвые души**”. Однако вчитаемся и посмотрим, **верно** ли первое, приходящее нам в голову суждение?

Где эти “дерзкие дива природы, венчанные дерзкими дивами искусства, города с многооконными высокими дворцами, вросшими в утёсы, картинные деревья и плющи, вросшие в дома, в шуме и в вечной пыли водопадов”?

Где опрокидывается назад голова “посмотреть на гроззящиеся без конца над нею и в вышине каменные глыбы”?

Где блестят “сквозь наброшенные одна на другую тёмные арки, опутанные виноградными сучьями, плющами и несметными миллионами диких роз”?

Где блестят сквозь них вдаль “вечные линии сияющих гор, несущихся в серебряные ясные небеса”?

Да. Это – Европа: Германия, Швейцария и возлюбленная Гоголем Италия, в которой так легко и вольно писалась поэма в прозе. И показалось поэту при первой же встрече с Римом, будто приехал он на свою родину. “Ро-

дину души своей я увидел, где душа моя жила ещё прежде меня, прежде, чем я родился на свет”.

“О России я могу писать только в Риме. Только там она предстоит мне вся, во всей своей громаде”.

А что же Русь?

Всё “бедность, да бедность, да несовершенство нашей жизни...”

“Открыто-пустынно и ровно всё в тебе; как точки, как значки, неприметно торчат среди равнин невысокие твои города; ничто не обольстит и не очарует взора. Но какая же непостижимая, тайная сила влечёт к тебе? Почему слышится и раздаётся немолчно в ушах твоя тоскливая, несущаяся по всей длине и ширине твоей, от моря до моря, песня? Что в ней, в этой песне? Что зовёт и рыдает, и хватает за сердце? Какие звуки болезненно лобзуют и стремятся в душу, и выются около моего сердца?”

Но несётся Русь, охваченная страшным движением, неведомым миру мистическим потоком.

“Куда несёшься ты?”

Уж точно не по дороге “общественного прогресса”!

“И косясь, посторониваются и дают русской птице-тройке дорогу другие народы и государства”.

Напуганы русской бесшабашной удалью, именуемой “непредсказуемостью”, “угрозой европам”?

“Чур меня! Чур!”

Нет, право, без гоголевской “метафизики России” с мистикой её бытия не обойтись.

“...какая же **непостижимая, тайная сила** влечёт к тебе? Почему слышится и раздаётся немолчно в ушах твоя тоскливая, несущаяся по всей длине и ширине твоей, от моря до моря, песня? Что в ней, в этой песне? Что зовёт и рыдает, и хватает за сердце? Какие звуки болезненно лобзуют и стремятся в душу, и выются около моего сердца?”

“Непостижимая, тайная сила”.

Ничто сверхрациональное, чему нет слов в человеческом языке, а вольное или невольное вторжение в духовные пределы России становится беспощадным экзаменом на подлинность.

И какое дело той волшебной и потайной силе, что властвует над Россией, до “технического прогресса” или “успехов бытоустройства”?

Чуждость России миру – вот что пугает её “партнёров”.

Чувствовал неуют на чужбине и русский человек: “...видишь – и там люди! Также Божий человек, и разговоришься с ним, как с своим; а как дойдёт до того, чтобы поведать сердечное слово, – видишь: нет, умные люди, да не те; такие же люди, да не те! Нет, братцы, так любить, как русская душа, – любить не то чтобы умом или чем другим, а всем, чем дал Бог, что ни есть в тебе...”

“Экзистенциальная” чуждость, как сказали бы философы.

“Беззаконная комета в кругу расчисленного светил”.

Исключительно милостию Божией существующая. И не объяснить невысказанное её существование никак иначе. Русский немец Миних понимал это лучше многих природных русаков и нерусских немцев: “Русское государство имеет то преимущество перед другими, что оно управляется непосредственно Самим Господом Богом. Иначе невозможно объяснить, как оно существует...”

Не сподобились объяснить существование Русской земли и сами русские, не раз задумывавшие “обнять всю Россию со всех точек – с гражданской, политической, религиозной, философической, разрешить затруднительные задачи и вопросы, заданные ей временем, и определить ясно её великую будущность, словом, всё так и в том виде, как любит задавать себе современный человек”.

А когда принимались за дело всерьёз, то ничего, кроме введения, не выходило, а если и выходило нечто, то сплошь обрывки.

И, быть может, правильно делали учёные люди, что бросали своё занятие, чуя нутром бесплодность своих попыток.

“Мудрость мира сего есть безумие перед Богом”.

Оттого и не удавалась никакая русская философия, ибо сказано: “Погублю мудрость мудрецов и разум разумных отвергну”.

Зато родилась кажется, из ниоткуда, Литература, и понеслась по свету тройка: “Пушкин–Гоголь–Достоевский”.

*И ахнул мир.
И насторожился.
И “пришипился”.*

Почуял, что погружается в некий неведомый и полный тайн мистический мир, лишь внешне напоминающий мир привычный и освоенный, в котором не действуют давно открытые и кажущиеся незыблемыми законы. И страшно стало ему от этой великой тайны.

“Небесные силы! какая ночь совершается в вышине! А воздух, а небо, далёкое, высокое, там, в недоступной глубине своей, так необъятно, звучно и ясно раскинувшееся!..”

“Но и друг наш Чичиков чувствовал в это время не вовсе прозаические грёзы”. Умеют чувствовать даже русские подлецы, живую душу в себе убивающие: и Карамазовы, и Свидригайловы.

“...и уже опять перед тобою поля и степи, нигде ничего – везде пустырь, всё открыто. Верста с цифрой летит тебе в очи; занимается утро; на побелевшем холодном небосклоне золотая бледная полоса; свежее и жёстче становится ветер: покрепче в тёплую шинель!.. какой славный холод!”

“...Подымутся русские движения... и увидят, как глубоко заронилось в славянскую природу то, что скользнуло только по природе других народов...”

“И вон уже видно вдали, как что-то пылит и сверлит воздух”.

Всё будет. Будут и “богоносцы Достоевские”, и содрогнётся мир от великих и малых инквизиторов.

Но... “видел я нечестивого, превозносящегося и возвышающегося, как кедры ливанские; и мимо прошёл, и вот, нет его, и поискал его, и не нашлось места его”.

“Русь, куда ж несёшься ты? Дай ответ. Не даёт ответа”.

Не вместить его в себя человеческому уму.